

Исторические науки

**НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В ОБЛАСТИ
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ
КАК ВАЖНОЕ ЗВЕНО
В СОЛИДАРНОСТИ
ФИННО-УГРОВ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Матвеева Л.А.

*Мордовский университет
им. Н.П. Огарева, Саранск,
e-mail: matveevaisi@rambler.ru*

Научное сотрудничество между финно-уграми имеет длительную историю и является важнейшим и значимым звеном в движении солидарности. Основой научных взаимосвязей представителей рассматриваемых народов являются научные, научно-практические конференции и конгрессы ученых-угроведов.

До 1993 г. координация научных исследований по финно-угроведению в СССР осуществлялась Советским комитетом по финно-угроведению, который являлся организатором Всесоюзных научных конференций финно-угроведов. Традиция проведения подобных научных конференций по финно-угорской тематике сложилась с 1950-х гг. Последняя XVII Всесоюзная конференция состоялась в Ижевске в 1987 г.

В 1994 г. в Йошкар-Оле Научный центр финно-угроведения (созданный в 1993 г. При

МарНИИ имени Васильева), совместно с научно-исследовательскими институтами и высшими учебными заведениями финно-угорских регионов России, провел Первую Всероссийскую научную конференцию финно-угроведов. Вторая Всероссийская научная конференция финно-угроведов состоялась в 2000 г. в Саранске. Следующий обмен достижениями в научно-исследовательской деятельности специалистов в области финно-угроведения был осуществлен 1–4 июля 2004 г. на Третьей Всероссийской конференции финно-угроведов в Сыктывкаре. 17–20 ноября 2009 г. в Ханты-Мансийске прошла Четвертая Всероссийская конференция финно-угроведов.

Особо важное место в развитии научного сотрудничества финно-угорских народов России занимают Международные конгрессы по финно-угроведению. Хронология их следующая: I конгресс – 1960 г. (Будапешт, Венгрия); II – 1965 г. (Хельсинки, Финляндия); III – 1970 г. (Таллинн, Эстония); IV – 1975 г. (Будапешт, Венгрия); V – 1980 г. (Турку, Финляндия); VI – 1985 г. (Сыктывкар, Р. Коми); VII – 1990 г. (Дебрецен, Венгрия); VIII – 1995 г. (Ювяскюля, Финляндия); IX – 2000 г. (Тарту, Эстония); X – 2005 г. (Йошкар-Ола, Р. Марий-Эл); XI – 2010 г. (Пилишчаба, Венгрия).

Таким образом, регулярно проводимые научные конференции и конгрессы финно-угроведов являются стержнем научного сотрудничества.

Культурология

**«КРАСА ПИСАНАЯ». ВНЕШНИЙ
ОБЛИК, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О КРАСОТЕ И КОСМЕТИКА
РУССКИХ ЖЕНЩИН КОНЦА
XVII ВЕКА**

Козлова О.А.

*Институт этнологии и антропологии
имени Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской Академии Наук, Москва,
e-mail: koa100011@rambler.ru*

В процессе рассмотрения такого обширного исторического пласта, как зарождение петровской эпохи, влияние на неё преобразований европеизации, затронувших всё общество и осо-

бо проявившихся в его модернизации высших социальных слоёв, необходимо помнить о том, что наиважнейшим вспомогательным моментом изучения вышеуказанного исторического периода является его этническое и культурное развитие, что выражается в уникальном синтезе самобытных русских традиций и нововведённых европейских веяний. Целью исследования не является рассмотрение всех аспектов, относящихся к таким проявлениям этнической культуры, как мода (в частности – женская), а изучение дополняющих её показателей, которые не менее важны, изменяются вместе с ней и актуальны в любое время. Роль вышеупомянутых показателей играют в данном случае идеологические представления о красоте в конце XVII в., описание характерных особенностей внешнего

вида москвиток независимо от сословной принадлежности, и анализ степени умения женщин совершенствовать свою красоту, используя при этом чаще всего подручный материал, учитывая ввиду исторической эпохи нехватку, а то и отсутствие совершенных технических средств.

Вопросом внешнего вида москвиток начала петровской эпохи неоднократно интересовались российские историки, этнологи и антропологи на протяжении всех периодов развития отечественной историографии. Дореволюционные историки (к примеру, И.Е. Забелин, В.С. Иконников, Н.И. Костомаров) подробно, используя анализ исторических источников, в частности – мемуаристики, воспоминаний современников и иностранцев – описали выразительную картину этнической и культурной действительности того времени. Советские историки, несмотря на прекрасную с точки зрения этнологии работу Ю.М. Лотмана «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX в.» (которая в большинстве своём затронула время, наследовавшее Московскую Русь), вопросу о таком важном общественном явлении, как мода, внешний облик и представления о красоте, выражающем самобытность раннепетровской Москвы, отвели в своих исследованиях незначительное место. Современные историки (Н.Л. Пушкарёва, И.И. Шангина) сумели дать прекрасную подробную характеристику этническим традиционным особенностям московского общества, но комплекс проблем, упомянутый выше, осветили с точки зрения его слияния с модой, причём описание модных веяний заняло в этом процессе доминирующие позиции. Именно потому это исследование посвящено исключительно изучению таких немаловажных модных аспектов, как идеология общественных представлений на внешний облик женщины-москвитки и то, как она соответствовала этим представлениям на практике.

В любое время любая женщина стремится быть красивой, привлекать к себе внимание, и даже женщины домостроевской патриархальной Москвы не являлись исключением. Русская красавица в понимании общества того времени должна была соответствовать ряду чётких требований. Представляя облик русских женщин раннепетровского времени как целое, важно отметить, что все его детали «работали» на создание образа величественности и спокойствия. Фольклорные произведения подтверждают это, утверждая, что идеалом женской красоты в эпоху Москвы XVII в. считался высокий рост, природная статность, размеренность и плавность движений, умение ходить, «словно

плыть», «как лебёдушка». Считалось, что красивая женщина должна быть несуетливой, иметь горделивую посадку головы, а глаза стыдливо опускать долу, за исключением самых знатных и царицы.

Функцией одежды в этом случае была цель «придать большую цветность и возвысить красоту женских лиц». Светлый платок-убрус должен был оттенять своей белоснежностью щёки, а сам головной убор гармонировал с румянцем – в нём было много красного цвета, ярких камней или их имитаций. В зимний период меховая опушка шапок, надвинутых на лоб, призвана была усиливать черноту бровей и ресниц. Представления о красоте прежде всего ассоциировались со здоровьем, о чём говорится в свидетельстве англичанина С. Коллинза: «Маленькие ножки и стройный стан почитаются у них безобразием. Красотою женщин они считают толстоту. Худощавых полагают нездоровыми, и потому те, кто от природы не склонны к толстоте, предаются эпикурействам с намерением растолстеть...». Возможно, от иностранных путешественников в данном случае ускользнул интересный нюанс русской психологии: женщина, соответствующая принятым тогда стандартам красоты, являющаяся красивой, а, следовательно, здоровой, могла родить здоровое жизнестойкое потомство, потому такие женщины и пользовались наибольшей популярностью в обществе.

Таким образом, анализируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что внешний облик москвиток в представлении общества должен был быть таким: высокая, полная, цветущая, степенная, «видная», т.е. заметная в толпе. Выгодно подчёркивать фигуру женщине помогал костюм, где все детали не облевали, а были свободными, и сама одежда чаще всего была скроена таким образом, что её можно было как запахивать, так и наоборот. Многие иностранцы, побывавшие в русской земле, как уже говорилось выше, отмечали дородность увиденных ими москвиток. Однако, обманчивое представление о толщине «русских баб» рождалось у европейцев как раз под влиянием непривычного для их глаза силуэта русского женского костюма – широкого и свободного в крое, многослойного. Он сильно отличался от европейской моды с её подчёркнутой талией. Русские женщины вплоть до петровских реформ не носили ничего подобного корсету, и потому, как верно заметил И.Г. Корб, стан их формировался иначе, чем «у прочих европейцев, и тело, нигде не стесняясь убором», могло «разрастаться, как попало».

Крупность и дородность фигур русских женщин отнюдь не портили общего благопри-

ятного впечатления от их внешности. Буквально все «критики» сходились в том, что русские женщины «*чрезвычайно красивы*». Одни из них отмечали, что они «белы лицом, имеют небольшие груди, большие чёрные глаза, нежные руки, тонкие пальцы», как представляет их П. Петрей. А. Олеарий в свою очередь отмечал, что «русские женщины вообще среднего роста, но стройные и нежного телосложения». Единого мнения с ним был и австриец И.Г. Корб: «У русских женщин стройный рост и лицо красивое».

Созданию общего положительного мнения о красоте женщин и служил их традиционный костюм, выгодно подчёркивающий достоинства и скрывающий недостатки.

Продолжая изучение идеологических воззрений московитского общества на внешний вид женщины и реализацию их в этно-бытовой сфере жизни социума, нельзя не отметить, что в XVII в. особое значение в создании выразительного внешнего облика московитки стали играть не только сложные яркие наряды и головные уборы, но и косметика.

Вообще, русский идеал красоты был, примерно, таким:

*Белое лицо как бы белый снег,
Ягодицы (на щеках) как бы маков цвет,
Чёрные брови как соболи,
Будто колесом брови подведены;
Ясные очи как бы у сокола...
Она ростом-то высокая.
У ней кровь-то в лице словно белого зайца,
А и ручки беленьки, пальчики тоненьки...
Ходит она словно лебедушка,
Глазом глянет, словно светлый день....*

Выводом из этого источника становится закономерное заключение: в русском фольклоре того времени бытовало понятие «писаной красоты» – т.е. рукотворной, созданной мастерством художника. Это определение становится понятным, если принять во внимание исключительное пристрастие московских красавиц к макияжу. Правда, с точки зрения европейцев, он был «неумел», «неискусен», «груб» и, в конечном счёте, нарочит. Однако традиция требовала от женщины краситься заметно и броско, и, верные ей, женщины порой переусердствовали в своём стремлении к красоте. «И как бы красива она ни была (а красивые женщины у русских есть), – писал немецкий путешественник Г. Шлейсснигер, побывавший в России как раз в конце XVII века, – всё равно она должна краситься, ибо таков обычай в стране, и обычай этот так укоренился, что, когда жених посылает невесте первый подарок, то в нём обязательно должна быть коробочка румян и белил». Женщина,

в силу своей естественной природной красоты отвергающая косметику и навязываемый стереотип красавицы, неизменно заслуживала непонимание, неодобрение и порицание общества «Мода» московской знати конца XVII в. вынуждала прятать естественную красоту и быть «как все»: заметно белиться, ярко румяниться, чернить сурьмой брови и ресницы, синить и подводить веки почти до виска и даже закапывать в глаза различные составы, чтобы расширить зрачки и придать им большую «глубину». Зубы у русских, как это нередко бывает у северных народов, не получающих в достаточном количестве витаминов и кальция, не отличались белизной. Чтобы исправить природную погрешность, знатные женщины в Московии использовали ртутные белила, после чистки которыми зубы мгновенно становились белыми, но приносили существенный вред здоровью. В то же время народные знахари и знахарки, не знакомые с городской модой, располагали таким огромным «каталогом» средств красоты и знанием особенностей колоссального количества различных мазей, притираний и масок, способствующих сохранению молодой и оживлению увядающей кожи, что им могли позавидовать исследовательские группы современных косметических фирм. Чаще всего средствами для изготовления таких растирок являлись сливки и сметана, питающие и разглаживающие кожу, растёртые ягоды и плоды, которые должны были придать красочность и здоровый цвет лицу. Многие московские красавицы, желая добиться ослепительно-белого цвета лица, ежедневно в течение многих лет умывались свежим молоком. Также большой популярностью пользовался очищающий кожу травяной настой, рецепт которого был известен ещё с XVI в., под названием «*холодец*». Настой перечной мяты замораживали, после чего кубиками льда протирали лицо после умывания – это тонизировало кожу, разглаживало морщины и снимало раздражение.

Конечно, степень доступности таких косметических средств зависела от социального статуса женщины, оказывавшего серьёзное влияние на её финансовое положение. Но это вовсе не означало, что женщины низших социальных сословий не имели возможности следить за собой и следовать веяниям моды. Даже в деревенской среде женщины задумывались над тем, как стереть с лица следы времени. Все, выходя «на люди», пудрились мукой, румянились естественными румянами, вызывавшими прилив крови к коже (листья росянки), наводили брови жжёной пробкой, усиливая таким образом естественные краски своих по-северному неярких

лиц. Той же цели служили в убранстве женской головы и фигуры украшения с яркими камнями или их имитациями.

Итак, подводя итоги всего вышесказанного, можно сделать ряд выводов:

1. Идеологические представления о внешнем виде москвиток конца XVII века были обусловлены, помимо религиозно-этической подоплёки, психологической составляющей русского народа: самобытная русская красота женщин в своём классическом проявлении считалась главным признаком здоровья.

2. Несуетное спокойное поведение женщин было обусловлено не только традиционным стереотипом красоты, но и нравственным канонами: православный христианин не должен вести себя суетливо и распущенно, поскольку это осуждается церковью.

3. Дородный статный силуэт женщины обязан был удовлетворять прежде всего эстетическую функцию: даже несмотря на скромное поведение, москвитка должна была одним своим

появлением в обществе быть заметной, яркой, привлекающей внимание.

4. Идеал «писаной красы», длительное время господствующий в обществе допетровской и раннепетровской Московии, являлся воплощением фольклорных описаний и до сих пор считается одним из уникальных моментов самобытной русской этнической культуры.

5. Многообразие косметических средств, используемое москвитками, и то, как иностранцы реагировали на внешний вид русских женщин, вызывает серьёзный научный интерес, является нишей в сфере изучения этно-антропологических изысканий и требует дальнейшего рассмотрения, поскольку внешний облик женщин того времени, в совокупности своей дополняющийся вышеуказанными аспектами – выражение безвозвратно ушедшей в прошлое эпохи, которая должна оказать позитивное влияние на развитие менталитета и гражданской позиции современности, и – главное – на её нравственность.

Медицинские науки

КИНЕТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА АЛКОГОЛЬДЕГИДРОГЕНАЗЫ В СУБКЛЕТОЧНЫХ ФРАКЦИЯХ ПЕЧЕНИ КРЫС ПРИ ТОКСИЧЕСКОМ ГЕПАТИТЕ

**Зимин Ю.В., Уланова А.А.,
Соловьева А.Г.**

*Научно-исследовательский институт
травматологии и ортопедии,
Нижний Новгород,
e-mail: yuzimin@mail.ru*

Изучение кинетических свойств ферментов в сложноорганизованной, гетерогенной системе требует применения новых методических приемов (Келети, 1990). В первую очередь это определение интегративных кинетических показателей, позволяющих оценить каталитические свойства конкретного фермента, входящего в состав мультиферментного комплекса. Из первичных экспериментальных данных полной кинетической кривой зависимости (V от t) используя математический метод, рассчитывали кинетические параметры ферментативной реакции K_t , V_{max} , $K_{эф}$ (коэффициента каталитической активности) (Kostir, 1985). Целью исследо-

вания было определение кинетических свойств АДГ у интактных животных и крыс с токсическим гепатитом печени.

Исследования проводили на беспородных крысах – самцах массой 180–200 г. Модель экспериментального токсического гепатита создавали подкожным введением 66% раствора четырёххлористого углерода в растительном масле в дозе 0,3 мл 4 раза в неделю в течение трёх месяцев.

Результаты эксперимента свидетельствуют об изменении кинетических свойств АДГ в цитоплазматической и митохондриальной фракции. У интактных крыс во всех фракциях наблюдалось существенное преобладание коэффициента эффективности АДГобр над АДГпр, так в цитоплазматической фракции АДГобр больше АДГпр в 26 раз, а в митохондриальной фракции АДГобр больше АДГпр в 33 раза. У животных с токсическим гепатитом печени в цитоплазматической фракции коэффициент эффективности АДГобр больше АДГпр в 14 раз. Разница между коэффициентами АДГобр и АДГпр в митохондриальной фракции практически отсутствовала.

Предполагается существование различных кинетических вариантов ингибирования АДГ в субклеточных фракциях печени в норме и патологии.